

Институт славяноведения РАН
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Университет г. Бари
при поддержке
Российского центра науки и культуры в Риме

Четвертые Римские Кирилло- Мефодиевские чтения

Тезисы

РИМ—БАРИ
17—22 ФЕВРАЛЯ 2014

Научный руководитель семинара
Н. Запольская

17 ФЕВРАЛЯ
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ
В.М. ЖИВОВА

К. Станчев (Италия, Рим)
«SLAVIA CHRISTIANA, SLAVIA ORTHODOXA
и другие Славии: вопросы терминологии и методологии исследования»

А. Наумов (Италия, Венеция)
«Кирилл и Мефодий как полемический аргумент»

Доклад посвящен использованию личностей славянских просветителей и кирилло-мефодиевской идеи в разных видах межконфессиональной, внутриконфессиональной, этнической, межрегиональной и политической полемики от создания *Сказания о русской грамоте* до наших дней. Основное внимание уделяется конфликтам православно-римокатолическому и православно-грекокатолическому, а также спорам о региональной и этно-национальной принадлежности Святых братьев между болгарами, сербами и русскими, между далматинцами и истрийцами и пр.

Дж. Броджи (Италия, Милан)
«Plurilinguism and Identity:
Rethinking Ukrainian Literature of the Seventeenth Century»

It is not fashionable now to speak about literary canons. Colonial and post-colonial studies and interdisciplinary research prefer to stress other problems of science about literature(s).

However, in the case of the Ukrainian lands in the period going from the 16th to the 18th c., the literary and linguistic relationships with the Polish Commonwealth first, and with the Russian Empire later make the problem of the Ukrainian literary canon and its intertextual connections with the neighboring literatures particularly important. The extant critical literature is particularly inadequate, methodological tools are often primitive. New points of view and new perspectives are needed to cope with the complex situation of plurilinguism and plurality through a flexible approach. A short analysis of some works written in the 1620s, 1630s and 1690s will show how linguistic choices were directed by various social, cultural and personal instances, and by the situation of communication. In certain circumstances the linguistic choice indicated religious and proto-national identity, in other cases no connection is precisely recognizable. Linguistic pluralism makes the literary situation of 16th–18th century Ukraine difficult to define, but some of the works of leading authors (K. Sakovych, S. Kosov, L. Baranovych, Stefan Javors'kyj and others) give us indications about the existence of a Ukrainian literary canon of the time of baroque and about its connections with the contemporary canons of Polish and Russian literature.

разными почерками, большей частью скоропись, состоит из 284 листов, относится ко 2 половине XVII века. Сборник содержит тексты, распространенные при патриаршестве Никона: в начале приплетена печатная статья с чином освящения воды (напечатана в Москве, 1655), далее — фрагменты октоиха, месяцеслова, ирмосы, «кои не обретаются в новом ирмологии печатном» (то есть издания 1657). Собственно по начальным листам и назван сборник. Однако в центральной части Син. 642 содержатся два текста иного характера: на лл. 126–160 об. «дамаскина архиерея студита собрание от древних философов о некихъ собствах естества животных» (перевод изданной на греческом в Венеции в 1643 книги). Далее на лл. 161–193 об. — вступление к Атласу Блау, перевод, сделанный в 50-е гг. Епифанием Славинцем и его товарищами с издания 1645 года. Эти два текста и будут предметом нашего анализа. Определив их тип и лингвистические особенности, мы уточним в том числе общее название сборника Син. 642.

М. Талалай (Италия, Рим-Бари)
«Первые русские паломники в Бари»

Первое, описанное в литературе, русское паломничество в Бари относится к 1460 г.: это посещение монаха Варлаама из Ростова Великого, который приобрел тут икону св. Николая, ставшую почитаться в России как чудотворная: прибытие барградского образа под Углич оформилось через местные предания как сакральная причина возникновения женского Николо-Улейминского Угличского монастыря.

Есть все основания полагать, что, пусть и редкие, паломничества в Апулию происходили всё же и прежде, хотя на благочестивом влечении в Бари сказывалась «конкуренция» мощей св. Николая в Венеции (Лидо): им, к примеру, поклонялись участники русской делегации Ферраро-Флорентийского Собора (1438 г.).

Хорошо документированы, однако, визиты петровской эпохи — Б.П. Шереметева и П.А. Толстого (1698), а также царевича Алексея Петровича (1717), перед его фатальным возвращением из Неаполя в Петербург. В память о паломничестве царевича к мощам Чудотворца здесь была водружена не сохранившаяся мемориальная доска.

А. Де Мео Арборе (Италия, Рим-Пиза)
«Сакральное церковное пространство в БАРИ»

Комплекс представляет уникальное явление древнерусской письменности не только потому, что известен автор-составитель сборников (явление само по себе достаточно редкое для средневековой культуры), но, прежде всего, благодаря содержанию этих сборников. Вот уже более ста лет, начиная с того времени, как библиотека Кирилло-Белозерского монастыря стала объектом научных исследований, именно этот комплекс рукописей неизменно привлекает внимание ученых энциклопедическим характером состава. Сборники включают произведения практически всех жанров древнерусской литературы. Это памятники исторического повествования, агиография, статьи догматического и богословского содержания, повести, выписки самого разного характера из сборников устойчивого состава, статьи естественно-научного содержания. По сути эти пять рукописных книг являются средневековой мини-библиотекой, поскольку аккумулируют все гуманитарное знание той эпохи. Экстраординарная работа, проделанная книжником Ефросином, стала действительно значимым событием в культурной и духовной жизни той далекой эпохи, а сегодня, по прошествии половины тысячелетия, воспринимается как ценнейший вклад в традицию гуманизма. Проект под амбициозным названием «Энциклопедические сборники XV века книгописца Ефросина — «Леонардо да Винчи Древней Руси», который был реализован Отделом рукописей в рамках Федеральной целевой программы «Культура России», был призван при обеспечении полной сохранности оригинала сделать доступным для самой широкой аудитории содержание уникальных сборников, которые на протяжении 30 лет составил один из самых загадочных интеллектуалов Древней Руси. Источниковым и технологическим фундаментом проекта является разработанная специалистами Российской национальной библиотеки информационно-поисковая система «Депозитарий», которая практически используется в Отделе рукописей для ведения электронной базы данных рукописных фондов. Проект был реализован в рамках 1150-летия Славянской письменности. Ресурс доступен: <http://expositions.nl.ru/EfrosinManuscripts/>

Т. Тимченко (Литва, Вильнюс)
«Актовые книги Великого княжества Литовского: структура, функции, язык»

Н. Николенкова (Россия, Москва)
«Сборник Син. 642 второй половины XVII века и место в нем «Вводения в Космографию»

Существует традиция определять сборники-конволюты по большинству текстов, включаемых в них составителями. Известны сборники житий, проповедей, гомилий, но есть и сборники, структура которых настолько сложна, что определить их тип нельзя. В Синодальном собрании ГИМ хранится рукопись Син. 642 (в описании имеет номер 563), определяемая как Сборник богослужебного содержания. Рукопись размером в четверть, написана

А. Сазонова (Россия, Москва)
«Актуальные проблемы истории русской риторической традиции»

Изучение риторики в XX в. не только положило начало процессу ее переосмысления и вывело за пределы узкого понимания как «искусства убеждения» или «науки слагания речей», но и привлекло к ней внимание как к части литературной традиции, участвующей в формировании литературной культуры и русской литературы раннего Нового времени и XVIII в. С осмыслением впервые появившейся в России в XVII в. кодифицированной риторики как важного фактора историко-культурного развития связано появление научных изданий ряда трудов по риторике и поэтике. В.М. Живов выступил с развернутыми рецензиями на научно-критические издания: «De Arte Rhetorica» Феофана Прокоповича (1982, подготовлено Р. Лахманн) и «Clavis Poetica» Федора Кветницкого (1985, подготовлено Б. Уленбрух), в которых подчеркнул значение изучения школьных литературных теорий для понимания литературного процесса первой половины XVIII в. во всей его полноте и значимых литературных связях. К проблемам изучения риторической традиции В.М. Живов обратился и в связи с подготовкой новейшего переиздания филологических трудов М.В. Ломоносова в седьмом томе его «Полного собрания сочинений» (2011), где роль ученого обозначена понятием «ответственный редактор». За предельно краткой формулировкой скрыта серьезная работа, связанная с разработкой методологических принципов комментирования источников такого сложно устроенного текста, как Риторика в обеих ее редакциях (1744 и 1748 гг.). Идеи, суждения, предложения В.М. Живова нашли отражение в переписке (с научным редактором данной части тома Л.И. Сазоновой), ставшей теперь уже фактом истории науки. Трудность определения источников Риторике Ломоносова объясняется самой природой данного жанра, предполагающего наследование традиции: сходные формулировки правил и одинаковые иллюстрации могут повторяться в десятках различных руководств по риторике. Ломоносов работает в весьма устойчивой традиции, которую и воспроизводит. Когда мы имеем дело с текстом Риторике, черпающим из других относящихся к теме трудов, проблема источников крайне усложняется. Совместно с В.М. Живовым было принято решение учесть комментарии академика М.И. Сухомлинова (1895) как широкий сравнительный материал и рассматривать соотносимые с текстом Риторике Ломоносова цитаты и параллельные места из западноевропейских риторик XVII–XVIII вв., составляющих контекстуальное поле его работы, именно как параллели, а не как прямые источники. Проблемы установления точных источников Риторике Ломоносова до конца не решены и нуждаются в дальнейшем исследовании.

Н. Запольская (Россия, Москва)
«Концепция регистров письменного языка: проблема «функционального потенциала вариативности»

В докладе рассматривается предложенная В.М. Живовым (1998/2004) концепция регистров письменного языка, отражающая современное со-

стояние науки, т.е. осуществившийся переход от структурализма к постструктурализму, от этнолингвоцентризма к антропололингвоцентризму. Модель, разделяющая письменность XVI–XVII вв. на четыре языковых регистра — книжный стандартный / книжный гибридный/ некнижный деловой / некнижный бытовой, явилась репликой на «бинарные» модели двуязычия и диглоссии, построенные на дихотомии книжного и разговорного языка. Постулирование идеи автономности и особого механизма преемственности письменного узуса, определение путей перехода от функционально расчлененного письменного языка к полифункциональному письменному языку мотивировало необходимость создания «общей» истории письменного языка. Дифференциация языковых регистров строится автором концепции на морфологических показателях, поскольку именно морфология представляет собой «технологии коммуникативной деятельности». Расширяя зону исследовательского внимания, можно предположить, что различные конфигурации морфологических вариантов служат диагностическими признаками не только типа языкового регистра, но и типа письменного языка, типа спецификации в границах регистра или языка, типа лингвистической рефлексии, «обслуживающей» регистр или язык.

И. Бегунц (Россия, Москва)

Комплексное исследование текста: Стихирарь XII века из собрания ГИМ (проект В.М.Живова)»

Доклад посвящен проекту В.М.Живова по исследованию уникального памятника древнерусской письменности XII в. — нотированного минейного стихираря, основная часть которого хранится в ГИМ (Син. 279). Рукопись впервые привлекла внимание В.М.Живова около тридцати лет назад (в связи с вопросом об отражении цоканья); в 2013 г. им был начат проект по созданию электронной базы данных, словоуказателя, грамматического указателя и полного лингвистического описания стихираря. Уникальность памятника обусловлена, в частности, наличием в тексте огромного количества (более семисот) исправлений, которые были внесены в основной текст писцом, писавшим ноты; эти исправления дают ценнейший материал для реконструкции представлений древнерусского книжника об орфографической и грамматической норме, позволяют увидеть, какими правилами он руководствовался, производя выбор между отдельными написаниями и формами, и как обращение к грамматическим параметрам соотносилось с мнемоническими приемами овладения книжным письмом. Анализ рассматриваемой рукописи позволяет также по-новому посмотреть на один из центральных вопросов исторической фонетики древнерусского периода, а именно на соотношение разговорного и книжного произношения. Рукопись Син. 279 может, видимо, трактоваться как одно из древнейших свидетельств формирования «стихирарной» традиции в средневековой русской письменности; эта проблема нуждается в подробном исследовании, начало которому должно быть положено настоящим проектом.

тический обзор упомянутых прототекстово-интертекстуальных уровней текста Кафки *Новый адвокат* основывается на издании *Александриды* В. Ягича из 1871 года (Starine III, Zagreb: JAZU). Это (западно)кириллическая *Ровудническая рукопись* (*Roudnički rukopis*) из 1-ой половины XVI в., переписанная из древнейшей рукописи, отличающейся чакавианско-икавианскими языковыми элементами.

21 ФЕВРАЛЯ

Тематический блок

СБОРНИКИ КАК КНИЖНАЯ ФОРМА КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ:
СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС

Б. Ломаджистро (Италия, Бари),

Г. Шургая (Италия, Венеция)

«К вопросу о связи между структурой и функцией рукописной книги»

А. Никифорова (Россия, Москва)

«Моделирование времени и пространства в гимнографических текстах»

Византийские и древнерусские гимнографические тексты есть часть общего для зодчих, иконописцев и мелодов пространственного образа-парадигмы «неба на земле». Реальное время и пространство в них, по меткому замечанию М.М.Бахтина, «выключены». Их «времяпространство» мистическое – горний Иерусалим, царство небесное, вечность. Именно ее моделируют гимнографы своими художественно-выразительными средствами такими, как актуализация событий, бывших в прошлом и переживаемых ныне, включение «зрителя» в действо, совмещение в текстах несовместимых временных и пространственных пластов, игнорирование исторических деталей и характеристик персонажей и событий, циклическое повторение текстов, отсутствие развития сюжета в реальном «времяпространстве», но по вертикали между землей и небом, введение пространственных образов-маркеров «Сиона», «Иерусалима» в противоположность «Египту» и «Вавилону».

А. Алексеев (Россия, Санкт-Петербург)

«Сборники книгописца Ефросина — новые возможности для исследователей»

В фонде Отдела рукописей РНБ хранятся пять рукописных книг, составленных монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином во второй половине XV века (шифры: Кир.-Бел. 6/1083, 9/1086, 11/1088, 22/1099, 53/1130).

В. Легких (Германия, Мюнхен)

«Особая редакция службы свв. стрст. Борису и Глебу
из сборника начала XVII в.»

Древнейший корпус литургических песнопений, посвященных свв. стрст. Борису и Глебу, складывался в XI – нач. XII в. Самые древние известия о службе на Перенесение мощей появляются в рукописи XIV в. Служба на Перенесение мощей Бориса и Глеба известна нам в списках Минеи, начиная с XV в. Последование на Перенесение мощей свв. Бориса и Глеба составлялось на основе уже существующей службы святым мученикам на 24 июля. Многие песнопения последования свв. Борису и Глебу составлялись на основе песнопений из других служб. Предполагается, что составителем одной из версий службы был Пахомий Логофет, Это спорная точка зрения. В любом случае эта редакция принадлежит к разряду «образцовых». Тем не менее, довольно быстро ее стали комбинировать с «неправленными» песнопениями, составляя новые редакции. В XVI в. появляется новая редакция, комбинирующая «правленные» и «неправленные» песнопения, причем некоторые из них заново отредактированы. Кроме того, составлен новый канон и циклы стихир. Новый канон написан как «творение господина Михаила мниха». На основании данного утверждения я назвала редакцию «Михайловой». Возможно, надпись «творение господина Михаила мниха» указывает именно на инока Владимирского Рождественского монастыря, гимнографа Михаила. Появление подобной редакции кажется странным: в XVI–XVII вв. существует не только древняя, но и «образцовая» бденная редакция службы на Убиение святых братьев. В XVI в. происходила канонизация многих русских святых. Им создавались службы, по большей части торжественные. Видимо, именно желание создать службу на Перенесение мощей по образцу великих праздников и послужило поводом для серьезной правки имеющегося последования.

А. Влашич Анич (Хорватия, Загреб)

«Актуализация Александриды при помощи
нарративной стратегии парадоксов «отсутствия»

Духовная неисчерпаемость прототекстовых потенциалов художественных значений *Александриды*, Псевдо-Каллистенного романа (около 300-ого года) о Александре III Великом (Ἀλέξανδρος ὁ Μέγας) — инкрустирована, на высоком художественном уровне, в прозаической миниатюре Ф. Кафки *Новый адвокат* (*Der neue Advokat*, 1917). В центре внимания сопоставительно-поэтического анализа авторши является авангардно-палимстическая актуализация *Александриды* при помощи нарративно-супрематической стратегии кафкианских парадоксов несомненного ее «отсутствия» (Derrida 1986). Это «отсутствие», в первой очереди, исторически-легендарного лика Александра Великого Македонского: ибо »В наше время — это никто не может опровергнуть — никакого Александра Великого нет« и »никто, никто не может войско повести в Индию«, чья »недостижима« ворота »перенесены в совсем другое и на много выше место« (Кафка, *Новый адвокат*). Анали-

А. Золтан (Венгрия, Будапешт)

«Западнорусский вклад в великорусскую юридическую терминологию»

В. М. Живов в статье «История русского права как лингвосомиотическая проблема» (1982/2002) обращает внимание на юго-западнорусское влияние на русскую юридическую терминологию. В докладе приводятся дополнительные свидетельства этого влияния. Анализируются термины западно-русского происхождения, которые на протяжении XV–XVI вв. существовали на периферии русской лексики как экзотизмы, относящиеся исключительно к чужим, западным реалиям: по их *праву* немецкому, *присяга* (их) — *крестное целование* (наше), *предки* (Батория) — *прародители* (Ивана IV) и др. В большинстве случаев из подобных пар в русский литературный язык вошли именно западнорусские по своему происхождению варианты. В ряде случаев западнорусский по своему происхождению термин славянизируется на великорусской почве, образуя здесь характерный пласт неославянизмов западнославянского происхождения.

С. Менгель (Германия, Галле)

«Универсальная матрица латинского для описания языков
в западноевропейской грамматологической традиции XVI–XVIII веков:
языковые проблемы и терминологические дискуссии»

Как известно, при зарождении западноевропейской научной мысли и её последующем развитии в течение XVI–XVIII веков латинский служил не только языком науки, но и считался «прародителем» всех существующих языков. В дискурсе возникающего интереса к собственным национальным языкам и вновь открываемым «экзотическим» при создании первых грамматик отдельных языков их описание было призвано осуществляться по образцу латинской грамматики, а грамматические категории латинского языка аплицировались в языковую систему языка описываемого.

В российском культурном пространстве первыми грамматиками западноевропейской грамматологической традиции стали грамматики церковнославянского языка Зизания (1596) и Мелетия Смотрицкого (1619). Дифференции в ряде грамматических категорий между латинским и церковнославянским — в частности, в категории падежа, которой посвящается предлагаемый доклад, — проявляются уже в этих двух первых грамматических произведениях: 6-частной эквиполентной оппозиции категории падежа в латинском языке противостоит 7-частная эквиполентная оппозиция категории падежа в церковнославянском. Оба грамматиста решают эту проблему по-разному.

В последующих грамматиках западноевропейских авторов конца XVII – начала XVIII веков, предпринимающих попытки описания (кодификации) современного «русского» языка, выше названная проблема выливается еще и в терминологическую — дефиницию так называемого «второго аблатива» (ср.: Ludolf [1696], Glück [1705], Korijewitz [1706], Sohler [1724] и др.). Особый интерес представляет дискуссия Пауса (Paus 1705–1729; 1732), которую он ведет в рамках Российской Академии наук, как кажется, против Василия

Адодурова (1731), опирающегося, по всей вероятности, на грамматические воззрения Йоахима К. Шталя (Stahl 1720; 1722–1727). Последний факт позволяет ввести рукописную и до сих пор практически неизвестную грамматику – Rudimenta Linguae Russicae — Шталя в дискурс грамматических произведений по формированию русского литературного языка нового типа в первой трети XVIII века.

Дж. Дзиффер (Италия, Удине)

«Научная рецензия как интеллектуальный диалог: В.М. Живов как рецензент»

В первой части доклада подчеркивается особое значение рецензий в рамках славянской филологии и, шире, славистики, как существенный и необходимый элемент, дающий развитие научному диалогу внутри разных национальных традиций, и тем более — между ними. На основе нескольких конкретных примеров докладчик старается определить главные характеристики многочисленных, прекрасных рецензий, написанных Виктором Живовым.

М. Робинсон (Россия, Москва)

«Из истории русской славистики 1920-х годов (по письмам ученых)»

Доклад основывается на переписке ученых, представлявших элиту русского академического славяноведения, а также их коллег — представителей других гуманитарных специальностей: В.П. Бузескул, Н.Н. Дурново, С.А. Жебелев, Д.К. Зеленин, В.С. Иконников, Г.А. Ильинский, П.А. Лавров, Б.М. Ляпунов, Н.К. Никольский, В.Н. Перетц, А.М. Селищев, А.И. Соболевский, М.Н. Сперанский, А.И. Томсон, К.В. Харлампович, А.А. Шахматов — на долю этих представителей старшего поколения выпали тяжкие испытания, им довелось наблюдать постепенную гибель привычного жизненного уклада, традиций академической науки, занятие наукой ради сохранения этой науки стало для многих из них единственным смыслом существования.

Именно письма предоставляют возможность показать, какие действия нового политического режима и условия социалистического быта влияли на мироощущение виднейших представителей науки. Речь идет о том, как ученые участвовали в спасении рукописных собраний и библиотек, какие трудности испытывали в своих исследованиях славянских древностей, в реализации уже готовых работ.

Переписка ученых избранного нами периода и круга — бесценный источник для раскрытия почти всех сторон их жизни и деятельности — обладает своими, отличными от предшествующего этапа особенностями. В государстве, где официально провозглашенной формой правления была диктатура, для многих ученых только личная переписка оставалась единственным пространством для свободного выражения собственных мыслей. Цитаты из переписки позволяют услышать голос самих участников событий.

прочие жития печерского кластера в летописи); 2. назначение преемника в управлении монастырем, и сопутствующее ему столкновение с монахами в вопросе выбора кандидата. Дальнейшие эпизоды кластера — жития Демьяна, Иеремии и Матфея, — повествования крайне сжатые и со сравнительно очевидным идеологическим подтекстом. Особенно выделяется видение монаха Матфея — элемент полемический в отношении игумена Никона, второго преемника Феодосия. Закрывающее кластер Житие Исаакия в том виде, в котором оно читается в летописях указанной группы (уже Шахматов видел в нем результат непоследовательной переработки неизвестных источников), отвечает общей задаче всей группы житий — монументализации памяти Феодосия. Кроме того, в жизнеописании рукоположенного Антонием монаха очевиден «анти-антониевский» пласт (замеченный Кобец). Антоний Печерский основал Печерский монастырь на базе анахоретических практик и, по общему убеждению исследователей, олицетворял яркий харизматический тип религиозности. Житие святого, известное в Средневековье, было полностью утрачено. Летописи — и житие Исаакия прежде всего — упоминают изгнание Антония из монастыря по политическим мотивам. Управление основанным им монастырем принял Феодосий, подобных проблем ни со светской властью, ни с памятью о себе не обретший. Письменные свидетельства об Исаакии вообще отражают анти-харизматическую тенденцию; наиболее полно она проявилась в Прологе, где радикальным образом сглажены и «антиэстетические» моменты в описаниях немощи святого. Летописи, также довольно осторожно настроенные к этой теме, более терпимы к юродскому подвигу (по отношению к которому отмечается странная терминологическая неровность: оуродство творити / оуродомь ся творити / оуродствовать). Наиболее значимыми представляются случаи устранения личных имен: Святослава (в Л), сношения с которым имел Антоний, подданный Изяслава, и игумена Никона (в РА), «наносившего раны» Исаакию. Роль игумена Никона в житии Исаакия, — наравне с ролью первого преемника Феодосия по управлению Печерским монастырем, Стефана, — вообще представляется нам недооцененной. На поставление Стефана Исаакий реагирует декларацией «Се оуже прелстил мя еси быль дьяволе сядяща на едином месте, а оуже не имамъ ся затворити в пещере, но имамъ тя победити, ходя в манастирь» (650б: 8–14б по Л). Именно с этого момента начинается первый период юродствования. Второй период юродского подвига введен 2 раза на соседних строках: в первом случае указывается мотив нежелания мирской славы после чуда с вороном, но собственно юродствование выражается в том, что Исаакий «пакостити нача ово игумену ово братьи», т. е. речь вновь идет о «монастырском» типе юродствования; затем подвижник выходит в мир, вселяясь при этом в пещеру, оставшуюся от покойного Антония, и собирает вокруг себя молодых людей, чтобы затем посвятить в монахи, но обретает «раны» со стороны игумена Никона и родителей своих учеников. Представляется крайне вероятным, таким образом, что оба периода юродствования в деятельности Исаакия представляют собой реакцию на назначение новых игуменов — следы неоднозначной репутации которых несут летописные тексты. Не совсем ясно, впрочем, отражает ли в этом случае его реакция только «про-антониевскую» или также «про-феодосиевскую» тенденцию.

стороны, и как составитель Литургии Преждеосвященных даров с другой (последнее, однако, не соответствует действительности и является результатом ошибки). В настоящем сообщении прослеживается история почитания Григория в средневековой славянской книжной традиции на материале памятников разных типов — месяцесловов, прологов, четких сборников, миней и пр. Рассмотрение присутствия святого в письменных источниках на протяжении нескольких веков позволяет проследить не только динамику культа, но и проливает некоторый свет на вопрос о том, как соотносились между собой, как взаимодействовали и влияли или не влияли друг на друга календарно-богослужебные книги разных жанров. Анализ конкретных текстов, посвященных Григорию Великому наглядно демонстрирует приемы и редакционные стратегии средневековых славянских книжников при создании и/или редактировании агиографических и гимнографических произведений.

Р. Евстифеева (Италия, Урбино)

«Отъ игумена [Никона] приимаше раны:

летописные свидетельства об Исаакии Печерском»

Житие Исаакия Печерского, первого восточнославянского юродивого (†1090), отражено в летописях группы ЛТРАИХ под 1074 г. Фигура святого привлекает к себе внимание исследователей юродства как ввиду своей хронологической и географической изолированности, так и благодаря тому исключительному обстоятельству, что к юродскому подвигу «черноризец» Исаакий обращается два раза. Несмотря на уверенность многих исследователей (см., напр., Лосева 2009: 217) в том, что различные версии жития святого идентичны, внимательный анализ показывает различия — причем, не только грамматического или стилистического характера. В некоторых случаях можно заметить следы идеологической правки. «Двойное» юродство Исаакия, с нашей точки зрения, следует рассматривать именно в этих терминах, а не в терминах «имманентного» анализа (предпринятого Черепниным и — с большим успехом — С. Ивановым). Настоящий доклад посвящен анализу свидетельств о Исаакии, читаемых в старших летописях — Лаврентьевской 1377 и родственных ей, — с точки зрения идеологических пластов, в этих свидетельствах отраженных. Первые попытки анализа этого аспекта в повествовании об Исаакии были предприняты О. Кобец, но должны быть продолжены — не в последнюю очередь ввиду явной недостаточности обращения к тексту Жития по одному только Киево-Печерскому Патерику, под влиянием распространенной убежденности в идентичности письменных свидетельств о святом. Кроме собственно текстуальной стороны, следует учитывать, что в Патерике изолированное Слово об Исаакии представлено в контексте, радикально отличающемся от летописного, где рассказ о первом юродивом включает серию рассказов о печерских подвижниках. Повествование о печерских монахах в летописном тексте открывается эпизодом успения Феодосия Печерского, в котором выделяются следующие компоненты: 1. поучения монахам (фактически набор тем, иллюстрацию к которым и представляют собой

А. Турилов (Россия, Москва)

«Конфессиональный раскол христианского мира

и начало его отражения в древнерусской книжности (сер. XI–XII вв.)»

А. Наумов (Италия, Венеция)

«Двенадцатый век в болгарской и сербской письменности»

XII век — это очень темный период в истории письменности славянских балканских народов. Небольшое количество рукописей затрудняет общую характеристику периода. Следует представить политические процессы (возрождение Болгарского царства, формирование Сербского государства) и роль Афона, а также перейти в ранний XIII век, чтобы показать динамику литературного и, вообще, культурного развития этих стран.

М. Шульга (Россия, Москва)

«Славянские языки в диахронии: грамматические оппозиции»

Исполнилось полвека с начала знаменитой дискуссии о грамматическом значении, открытой статьями А.В. Исаченко в «Вопросах языкознания» (1961 и 1963 гг.). Представления о бинарной структуре грамматических оппозиций, об асимметричных отношениях между членами оппозиции, о нейтрализации оппозиций, об инвариантном грамматическом значении нашли отражение в лингвистическом представлении отдельных фрагментов грамматической системы и в описательных грамматиках славянских языков. Реже они определяют методологию историко-лингвистических исследований. А между тем теория грамматических оппозиций — это не только способ лингвистического представления материала; она отражает сущность самого языка. Асимметричные отношения пронизывают всю славянскую грамматическую систему: систему чисел, родовых форм, систему видов, средств выражения значений определенности / неопределенности и др. Привативный характер грамматических оппозиций, как это будет показано на славянском историческом материале, предопределяет направление и конкретные результаты морфологических процессов в славянских языках. В то же время применение теории оппозиций к грамматике наталкивается на объективные трудности, связанные, в частности, с необходимостью соотносить между собой смысловую и формальную сторону оппозиций. О сложности задачи свидетельствуют, например, взаимоисключающие выводы, неоднократно возвращая к теме падежных и родовых оппозиций у Р.О. Якобсона. Вопреки широко распространенному представлению о том, что «пражцы» в своей теории грамматических оппозиций отталкиваются от формы («системы чистых отношений») и игнорируют значение («функцию», «субстанцию»), конкретные морфологические концепции А.В. Исаченко и Р.О. Якобсона в основе своей оказываются «семантическими».

Факты ранней письменности и исторические формальные преобразования грамматических категорий в славянских языках позволяют существенно скорректировать морфологические концепции «пражцев». Мы рассмотрим эту проблему на материале числовых и родовых оппозиций.

Филологическая лаборатория:
МЕХАНИЗМЫ ПОРОЖДЕНИЯ ТЕКСТА:
ТЕМАТИЧЕСКАЯ, СТРУКТУРНАЯ, ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ,
ЯЗЫКОВАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ ОБРАЗЦА

М. Гардзаниги (Италия, Флоренция)

«Миссия Кирилла и Мефодия и перевод первого небогослужебного сборника на основе житий первоучителей»

Ф. Ромоли (Италия, Пиза)

«Региональные особенности и процессы стандартизации в древнерусской агиографии»

В произведениях древнерусской литературы единство агиографии определяется обычно соответствием житийного повествования темам традиционной агиографической схемы и присутствием в них стандартной агиографической топики. Другие морфологические параметры (вариативность структуры текста, непоследовательность, отсутствие или повторение в нём нескольких тем агиографической схемы) позволяют, напротив, сделать предложение о том, что, в некоторых регионах и в определённых условиях древнерусская агиография развивалась очень своеобразно. Доклад посвящён литературному анализу выборки новгородских и ростовских сочинений XV–XVI веков. Наше внимание сосредоточится, в частности, на следующих агиографических произведениях: Житии Иоанна Новгородского, Житии Антония Римлянина, Житии Исаии Ростовского и Житии Авраамия Ростовского. Все эти тексты появились в особенных историко-культурных условиях и были внушены определёнными идеологическими намерениями: они принадлежат к периоду возникновения Московского централизованного государства и составлены с целью оправдать и защитить политическую и историко-культурную независимость Новгородского и Ростовского княжеств. Что же касается их композиции, то эти произведения — результат долгого процесса собирания, сочетания и согласования ряда предшествующих материалов. Вследствие чего появились жития со своеобразной морфологией, придерживающиеся традиционной агиографической схемы лишь частично, и имеющие структуру, составленную двумя или тремя независимыми друг от друга повествовательными единицами, из которых одна посвящена какому-либо чудесному путешествию. После того, как Новгород и Ростов были присоединены к Москве, эти жития претерпели процесс стандартизации при включении их в Великие Чети Минеи и Минеи Чети Чудовские. Самые значительные изменения затронули предисловие и заключение каждого текста, тогда как другие части, со всеми их внутренними особенностями, были оставлены в неизменном виде.

О. Ковач (Венгрия, Будапешт)

«К проблеме отражения рефлексов $\text{To}r\text{T}$, $\text{To}l\text{T}$, $\text{Te}r\text{T}$, $\text{Te}l\text{T}$ в славянских заимствованиях венгерского языка»

В венгерской славистике восточнославянское происхождение устанавливалось только для единичных, как правило, поздних заимствований, соответственно, восточнославянское влияние на венгерский язык игнорировалось. В наших предыдущих исследованиях, посвящённых этой теме, экстраполируя материал славянских заимствований в венгерском языке с $\text{*To}r\text{T}$, $\text{*Te}r\text{T}$, $\text{*To}l\text{T}$, $\text{*Te}l\text{T}$, была установлена группа (1), которая по отражению рефлексов представляет крайнюю оппозицию группе (2) (типа *kalász*), для которой южно-западнославянский источник устанавливается однозначно. В эту новоустановленную группу (1) входят слова, имеющие огласовку *o* в корне (соответственно *e* для $\text{*Te}r\text{T}$), что никогда никем не интерпретировалось (кроме отдельных случаев у Е. Хелимского). Славянский *a* передается венгерским *á*, а в соответствии с законами венгерской сингармонии гласных, вставным гласным (в том случае, если предполагать, что этимон был с неполногласием) в предшествующем слоге перед слогом с *á* мог быть только венг. *a*. Следовательно, 1 группа не отражает южно-западнославянских рефлексов *TraT , $\text{*Tr}e\text{T}$. Ни в диалектных системах, ни в старых системах писцов нет подтверждений для смешивания *a* с *o*. Таким образом, обе упомянутые группы представляют две противоположные крайности системного отражения слав. слов с $\text{*To}r\text{T}$, $\text{*Te}r\text{T}$, то есть они абсолютно очевидно отражают различные рефлексы — неполногласие и полногласие. В докладе содержится рассмотрение ряда общих и частных вопросов, а также теоретическая часть нашего исследования. Мы остановимся на случаях заимствований церковнославянского происхождения, которые пришли в венгерский язык из восточнославянского ареала, а также на случаях отражения в слав. заимствованиях восточнославянского полногласия в словах, которые на восточнославянской территории были вытеснены церковнославянскими формами.

20 ФЕВРАЛЯ

Тематический блок:

Личность и текст в конфессиональной культуре

М. Живова (Италия, Пиза)

«Папа Григорий Великий (Двоеслов)
в православно-славянской традиции (X–XVII в.)»

Григорий Великий, он же Двоеслов, 64-й Папа Римский (~540 – 12.03.604, интронизация 3.09.590) известен в православно-славянской традиции как автор «Диалогов» (Римский патерик) и «Бесед на Евангелие» с одной

А. Птенцова (Россия, Москва)
«Древнерусское криво: семантика
и проблема частеречной принадлежности»

В современном русском языке у наречия *криво* существует разговорное значение 'так, что в действии допущена ошибка'; ср. *Они как-то криво договорились и не смогли встретиться; Конференция организована очень криво — непонятно, когда чей доклад.* Кажется, что это значение является новым, однако оно имеет древнейшие параллели; ср. примеры из [Словарь XI–XIV]: **иде же криво братиѣ** исправивше **чѣтѣ** (Изборник 1076, л. 275 об – 276) — «Там, где [написано] криво, братья, исправивши, читайте»; **гоудьцю ладащю** гоусли своѣ и филипъ **сѣда** и рече криво ладиши инако было («Пчела», сп. кон. XIV в, л. 49 об) — «Когда гуслир налаживал свои гусли, Филипп, сидя, сказал: «Криво настраиваешь, было по-другому». У древнерусской лексемы имеется одно существенное отличие от современной; ср. **дажь въ на** поа обраче криво а <...> — «Если [кто-нибудь], служа по ним (этим книгам), найдет ошибку, то...» (Новг. минеи 1095–1097 гг, сент., л. 176). В современном русском сочетание *найти криво* бессмысленно. Повидимому, причина несоответствия в том, что в древности **криво** относилось к наречиям, имеющим так называемую «плавающую сферу действия» (термин М.В. Филипенко) — ср. современное *легкомысленно*: *Он ответил легкомысленно* (сфера действия наречия — содержание ответа) VS *Он легкомысленно пообещал приехать* (сфера действия — сам факт обещания, а не его содержание). Аналогично, в **напъсати <ладити> криво** наречие указывает на качество соответствующего действия; а **обраче криво** устроено сложнее: наречие выражает оценку не собственно действия 'найти', а объекта этого действия — описки, к появлению которой привело какое-то другое, «кривое» действие. Сказанное верно только при условии, что **криво** в приведенных примерах действительно является наречием, а не исполняет функцию существительного, подобно лексемам **добро**, **зъло** и под. Хотя словари дают подобные примеры в статье наречия, различить эти употребления в большом числе случаев представляется затруднительным. В докладе рассматриваются аргументы в пользу этого решения и против него.

С. Дель Гаудио (Украина, Киев)
«Христианско-церковная терминология
греко-латинского происхождения в старославянском языке»

Изучение христианско-церковной терминологии является фундаментальным для осмысления лексического состава старославянского языка, созданного, главным образом, для поучительных и проповеднических целей. На настоящем этапе исследования предлагается анализ лексем греко-латинского происхождения, относящихся к христианско-церковной традиции.

М. К. Ферро (Италия, Пескара)
«История церковнославянской книжности восточной редакции:
случаи несовпадения летописных и житийных сведений
(Св. Евфросиния Полоцкая)»

Как известно, в церковнославянской книжности развивались разные виды и типологии текстов. Среди них автора здесь интересуют летописные повествования, записывающие события разных географических территорий в различных исторических периодах, и жития, прославляющие жизнь и подвиги святых. Ведь в церковнославянской письменной традиции существуют случаи несовпадения сведений подобных видов текстов, в результате чего возникают нелегко разрешимые вопросы. Таким является вопрос об определении исторического лица святой Евфросинии Полоцкой. Посредством изучения источников и сопоставления летописных и житийных сведений со значительной информацией, приведённой археологией, историографией и гимнографией, автор пытается выяснить некоторые аспекты, касающиеся особенно вопроса об историческом существовании и о точной биографии святой Евфросинии. В частности, будут истолкованы следующие темы: жизнь и почитание св. Евфросинии на основе посвящённых ей агиографических произведений; летописные сведения, католическая легенда и исторические разыскания; приметы исторического существования персонажа (т. е. печать и стихира Евфросинии; основание монастырей и культурная деятельность преподобной Евфросинии Полоцкой).

И. Вернер (Россия, Москва)
«Славянская одушевленность: квазиоппозиции
как маркеры категории в текстах и метатекстах XVI–XVIII вв.»

На материале русского, польского, словацкого и чешского языков рассматриваются парадигматические способы выражения одушевленности. Противопоставленные способы представлены в русском языке, где одушевленные существительные маркируются исключительно нейтрализацией падежных оппозиций Вин. и Род. в парадигме как ед., так и мн.ч., и в чешском языке, где преимущественно используется дифференциация флексий одушевленных и неодушевленных существительных в целом ряде падежных форм (Род., Дат., Предл. ед.ч. и Им. мн.ч.). Польский и словацкий реализуют смешанные варианты, в разном объеме сочетая нейтрализацию форм в парадигме и дифференциацию флексий в ее отдельных позициях. Материалы текстов и грамматик ранней эпохи становления славянских литературных языков отражают фиксацию в языковом сознании соответствующего способа выражения как универсального, что влечет за собой создание в той или иной степени искусственных оппозиций. Эти квазиоппозиции могут либо включать в себя более широкий набор падежных форм, либо прилагаться к именным формам, реально не вовлеченным в выражение категории одушевленности, либо реализовать вариант, свойственный родственному славянскому языку, обладающему более высоким

культурно-лингвистическим статусом. Подобные квазиопозиции представлены в церковнославянском переводе «Доната» Д.Герасимова и переводах М.Грека, в «Грамматике чешской» Яна Благослава и в словацкой Камальдульской Библии 1756–59 гг.

М. К. Брагоне (Италия, Павия)

Несколько наблюдений над языком переводами И.В. Пауса: трактат *De civilitate morum puerilium* Эразма Роттердамского и трактат *De l'education des filles* Ф. Фенелона.

В докладе представлено несколько наблюдений, касающихся языка переводов, сделанных немецким переводчиком, поэтом и учителем И.В. Паусом (1670–1735): трактата Эразма Роттердамского Златой книжицы о гождении нрав и трактата Ф. Фенелона Книги о воспитании дочерей. Данные переводы, сохранившиеся в черновом и беловом списках, были составлены Паусом, скорее всего, во время его пребывания и преподавания в гимназии пастора Глюка в Москве (Паус приехал в Москву в 1702 г. и ушел из гимназии в 1706 г.). По предположению В.Н. Перетца, Паус составил перевод трактата Эразма не только для того, чтобы снабдить учеников школы Глюка престижным учебником, но также “для себя”, т.е. для самостоятельного упражнения в языке, которым он, по всей вероятности, после своего недавнего приезда в Россию еще не владел целиком. Возможно, что перевод трактата Фенелона служил таким же целям. Данные переводы Пауса представляют важный этап в развитии переводческой деятельности в Петровское время и в истории судьбы творчества Эразма Роттердамского и Фенелона в России в XVIII веке. Изучение их чернового и белого списков, изменений и исправлений, которые Паус ввел в них, предлагает ценный материал для реконструкции языковой ситуации начала XVIII века и, более подробно, для определения уровня языковой подготовки и языковых концепций самого переводчика. Целью доклада является составление краткого обзора и комментария изменений и исправлений, введенных Паусом в переводы сочинений Эразма и Фенелона.

С. Менгель (Германия, Галле)

К дискурсу формирования русского литературного языка нового типа в первой трети XVIII века: грамматические произведения Й. Х. Штала

Доклад посвящен двум ранним грамматическим произведениям, которые легли в основу первых попыток кодификации русского литературного языка нового типа, предпринятых Российской Академией наук в первой трети XVIII века. Как известно, важным результатом этих попыток считается грамматика В. Адодурова «*Anfangs-Gründe der Russischen Sprache*» (1731). Первое грамматическое произведение, т. наз. лист «*Extranea*», представляет собой печатный лист без заглавия, датировки и имени автора, содержащий таблицы склонения русских существительных, прилагательных и место-

ва от глаголов разного вида; обозначить ситуации, когда, возможно или предпочтительно употребление только одного из видов; а также проследить возможные тенденции употребления в случаях видовой конкуренции и факторы, влияющие на выбор вида (лексическая семантика, синтаксис, прагматика, отрицание и др.). Для ряда глаголов поднимается также вопрос о составе императивных парадигм.

А. Плотникова (Россия, Москва)

Грамматические оппозиции *sub specie* семантики: **žalěti* (**želěti*) ‘скорбеть’, ‘голосить’

Доклад посвящен изучению славянского глагола **žalěti* (**želěti*), который в настоящее время в восточнославянских и южнославянских языках сохраняет значения, связанные с выражением скорби, сочувствия, соучастия. При этом в литературных языках и диалектах западной части Южной Славии преобладает значение ‘голосить, плакать, причитать (по умершему)’, не сохранившееся в современных восточнославянских литературных языках, но известное по древним памятникам восточнославянского извода. Будут рассмотрены грамматические оппозиции возвратности / невозвратности и перфектного / имперфектного значений данного глагола с точки зрения его семантических вариаций в истории южнославянских языков и диалектах центральной и западной частей южнославянского ареала. Особую группу исследования составляют словообразовательные варианты наименований от серб.-хорв. *žaliti* / *žaliti* со значением ‘причитание’, с одной стороны, и ‘траур’, с другой, причем в обоих случаях наблюдается нейтрализация грамматического значения ряда различных формальных компонентов в рамках одного южнославянского языка в диахронии и синхронии. Эти процессы связаны с особым статусом нормы как в сербскохорватском языке в XIX–XX веках, так и в современных литературных («стандартных») языках — наследниках сербскохорватского.

А. Абдулхакова (Россия, Казань)

«Грамматическая оппозиция кратких и полных форм причастия и прилагательного в истории русского языка»

В докладе рассматриваются направления развития отношений между краткими и полными формами прилагательного и причастия в истории русского языка. Отмечены особенности, отражающие начальный этап их развития, охарактеризованы синтаксические и иные условия дифференциации рассматриваемых образований, показана тенденция к формированию самостоятельных грамматических категорий на основе противопоставления именных и местоименных форм синкретичного (нерасчлененного) имени и древнего (нерасчлененного) причастия.

Священного Писания (где не упоминается Мефодий) опираются на балканскую (конкретно, на местную сербскую) традицию первой половины XV в. В-четвертых, в дальнейшем исследователи должны уделять особое внимание не только тому факту, что именно существование и жизнеспособность духовного сообщества *Slavia orthodoxa* сделали возможным проникновение и распространение идеологических клише и стилистических тенденций (безотносительно места их возникновения) по всему сообществу, но также исследовать тонкие диалектические отношения между православными славянскими наднациональными течениями и местными традициями.

Тематический блок:

ГРАММАТИЧЕСКАЯ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА:
ПРИНЦИПЫ СООТНОШЕНИЯ

Т. Пентковская (Россия, Москва)

«Проксиматив в старославянских и раннецерковнославянских переводных памятниках: на пути к грамматикализации»

Проксиматив — это «особый аспект, указывающий на временную фазу, расположенную непосредственно перед начальной границей ситуации, описываемой смысловым глаголом». Эта конструкция при грамматикализации может становиться базой будущего времени. Средством выражения этого значения являются либо глаголы со значением желания, либо глаголы со значением движения или местонахождения. В старо- и церковнославянском языке развитие получают глаголы первой группы. Конкуренция глаголов со значением желания и глаголов движения в старославянском и церковнославянском языках проявляется лишь при передаче греч. та μέλλουτα: хотящее быти, еже хоцеть быти vs. грядущее. В докладе будут рассмотрены также типичные для проксиматива контексты из переводных памятников со значениями, выражающими недостижимый результат («недостижение финала в случае неконтролируемого процесса»), контексты с так называемой «летальной семантикой» и их греческие соответствия. Эти значения в современных языках обнаруживают близость к модальной зоне.

Е. Мишина (Россия, Москва)

«Конкуренция видов в древнерусском императиве»

В докладе речь пойдет об особенностях употребления форм императива от глаголов совершенного и несовершенного видов в древнерусский период в сопоставлении с современным русским языком. Это попытка на материале памятников письменности разных жанров определить для древнерусского периода набор видовых значений, реализуемый формами императи-

имений и спряжения русских глаголов, а также указания к употреблению русских предлогов. По мнению Л. Джюровича/А. Шёберга (1987) концепт кодификации русского языка в листе «*Extranea*», который они датируют 1706–1708 гг., послужил Адодуру непосредственным образцом для его грамматики. Б.А. Успенский (1992) указывает на непосредственную близость текста листа «*Extranea*» и рукописной грамматики Й.Х. Штала «*Rudimenta linguae russicae*», подаренной автором библиотеке Сиротского дома в Галле в 1745 г. На этом основании ученый делает вывод, что лист «*Extranea*» является пробным оттиском из рукописной грамматики Штала, напечатанным в типографии Сиротского дома, и, идентифицируя подносную дату со временем написания грамматики, датирует лист «*Extranea*» 1745 г. Т.о. его влияние на кодификацию русского языка в грамматике Адодура — а тем самым оригинальность и инновативность кодификаторского концепта в грамматике Штала — отрицаются. Х. Кайперт (1997) и К. Флекенштейн (2000) также высказывают мнение о том, что лист был напечатан в Галле. Мнения исследователей об авторе документа не совпадают. Оба предполагают близких к пиетистам из Галле, но разных людей: Кайперт (1997, 2003) — В. Пауса или кого-то из его учеников, Флекенштейн — С. Тодорского. Контroversные дискуссии вокруг листа «*Extranea*» побудили нас еще раз обратиться к основному конфигуранту дискурса — второму грамматическому произведению, рассматриваемому в докладе, — неисследованной (ср. Echler 1956) и незаслуженно забытой русской грамматике «*Rudimenta linguae russicae*» и ее незаслуженно забытому автору Й.Х. Шталю (ср. Raabe 1955). Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод, что лист «*Extranea*» и грамматика Штала представляют собой два грамматических произведения, принадлежащих перу одного и то же талантливого автора, идентифицировать Штала как автора листа «*Extranea*» и по-новому датировать оба грамматических произведения.

М. Чунчич (Хорватия, Загреб)

«Postanak glagoljice prema vlastitim paleografskim istraživanjima»

Na temelju rezultata istraživanja zaključila sam da je trokutasti tip glagoljice prvotan i stariji od okrugloga. Okrugli je nastao 886.–893. reformom sv. Klimenta Ohridskog koji je “izmislio druge slovne oblike, *jasnije* od onih koje je pronašao premudri Ćiril”, a okrugli tip jest *jasniji* od trokutastoga. U *Sinajskome psaltiru* koji je sv. Kliment preveo na staroslavenski najstariji pisar A pozna trokutasti oblici položaj slova u prvotnom pet-linijskom ustrojici pripadaju rozetii zato imaju određenu visinu, širinu i položaj slova potvrđenu na spomenicima (*Krčki natpis, Praški listići, Sinajski psaltir*) i naslovna slova (*Marijinsko evanđelje, Zografsko evanđelje i Kločev glagoljaš*). Iako su kraća slova u *Kijevskim listićima* pomaknuta na gornju liniju, visina slova skoro potpuno odgovara prvotnoj visini slova toga ustroja. Trokutasti tip lakše se piše od okrugloga, a teže od uglatoga i time se uklapa u te tipove. U najstarijim natpisima i rukopisima trokutasti tip supostoji s okruglim oblicima, a u Hrvatskoj i s uglatim. Rozeta iz koje izlaze trokutasti tip nalazi se u Vrbniku ispred crkve, a trokutastim tipom pisane su hrvatski *Konavoski natpis*. *Hrvatski ključ* pripada trokutastom tipu i stariji je od *jora* i *jera* u *Kijevskim listićima*. Teza V. Jončeva da je glagoljica nastala iz rozete točna je. Pretpostavljam da se pismo koje je Jončev pomoću rozete dešifrirao kao slogovno odnosi na *rus'ska pismenak* koja je Konstantin naučio u misijina Hersonu, a rozetu iz koje proizlazi slogovno pismo iskoristio za stvaranje glagoljice za svoju misiju u Moravskoj.

А. Кулик (Израиль, Иерусалим)

«Неизвестный кириллический алфавит XIII века»

Кириллический алфавит с древнееврейской акрофонией был обнаружен в Восточном собрании Бодлеанской библиотеки. Палеографический и лингвистический анализ текста позволяют датировать его XIII веком, т.е. это древнейший ксенографический кириллический алфавит и второй по древности среди всех ксенографических алфавитов (после глаголического *Abecedarium Bulgaricum*). В докладе будет представлен лингвистический анализ текста и попытка реконструкции его *Sitz im Leben*. Анализ неизвестного до сих пор славянскому тексту позволяет заполнить отдельные лакуны в исследовании кириллической традиции и дополнить наши представления о моделях культурного взаимодействия между *Slavia Orthodoxa* и латинской Европой.

Дж. Дзиффер (Италия, Удине)

«Старые и новые вопросы в изучении

Сказания черноризца Храбра «О письменех»

Текст известного «Сказания» о зарождении первого славянского алфавита позволяет показать на конкретном материале все преимущества критики текста, т.е. метода выявления общих ошибок (инноваций) в области церковнославянской письменности. Одновременно изучение исследовательской истории этого небольшого, но сложного произведения, которое уже 200 лет стоит в центре внимания специалистов, дает нам возможность по-новому осветить несколько страниц этой истории как на филологическом уровне, так и на герменевтическом.

Х. Голдблатт (США, Нью-Хейвен)

«К вопросу о Кирилло-Методиевской традиции

и «Сказании изъявленном о письменех» Константина Костенецкого»

Целью настоящей работы является рассмотреть вопрос о том, возможно ли и если да, то в какой степени, установить наличие связей между «кирилло-методиевским вопросом о языке» и фундаментальными темами, которые можно выделить в «Сказании изъявленном о письменех», которое было написано между 1423 и 1426 гг. в сербских землях Константином Философом Костенецким. Конкретнее, в нашей работе мы попытаемся определить, основываются ли взгляды Костенецкого на появление славянских букв, славянского языка и славянского Священного Писания, на принципах, связанных с кирилло-методиевской традицией. В заключении можно сформулировать следующие четыре пункта: Во-первых, представления Костенецкого о славянских буквах происходят как из славянских идей (возможно, восходящих к кирилло-методиевскому периоду, но, несомненно, имевших хождение в балканской *Slavia XIV–XV* вв., особенно в трактате «О письменех» Черноризца Храбра), так и из современных Костенецкому теорий византийско-греческой культурно-грамматической традиции. Во-вторых, в этом отношении многие аспекты научно-филологических подходов, подчеркнутые в «Сказании» Костенецкого (напр. *renovatio studiorum* в целом и восстановление принципа графических различий в частности) поразительно схожи с текстами итальянских гуманистов. Можно задаться вопросом, основываются ли эти параллели на общих источниках, т.е. на византийских научно-филологических методах и принципах книжности, повлиявших как на «латинский запад», так и на «славянский восток». И действительно, ни в коем случае нельзя недооценивать тот факт, что беженцы из «византийского содружества» сыграли решающую роль в раннем итальянском гуманизме, а также в культурном возрождении православного славянства. В-третьих, описание как «создания» славянских «глаголь», т.е. выражений где Константин-Кирилл не упоминается, так и роли «св. Кирилла» (т.е. Константина-Кирилла) в подготовке первого славянского перевода